

— Хорошо, как скажешь. Ты скоро начинаешь съемки? Не забудь позаботиться о себе. На улице похолодало, одевайся теплее.

— Ох, знаю, знаю! Ты повторяешь это тридцать раз в день! Все, кто стареет, становятся такими занудами?

— Я старею? — Гуань Янь понизил голос:

— Ты видел хоть одного старика с кубиками на животе, который может держаться хотя бы час?

Тан Цюй сначала опешил, а потом понял, о чем идет речь. Розовый румянец распространился от его щек до шеи, и он заговорил смущенно:

— Зачем ты говоришь такие вещи днем!

— Я просто констатирую факт. Неужели Сяо Цюй о чем-то подумал? Или, может быть, ты сам об этом думал?

— Гуань Янь! — Тан Цюй раздраженно повесил трубку. — Он хотел устроить разборки, но все обернулось совсем иначе.

С другой стороны, глядя на отключенный телефон, Гуань Янь улыбнулся. Он был таким легким на подъем.

Раздался стук в дверь.

Услышав стук, Гуань Янь скрыл улыбку:

— Войдите.

В комнату вошел мужчина в деловом костюме:

— Брат Гуань, тебе не обязательно участвовать в промоушене нового фильма.

Мужчина был ответственным за зарубежные дела Гуань Яня.

— Моя цель не просто хорошие отзывы. Я хочу, чтобы кассовые сборы превзошли все предыдущие фильмы. — Поэтому он решил устроить масштабную кампанию за границей.

Ответственный был в замешательстве:

— Этот фильм имеет для тебя особое значение? — Раньше его начальник не придавал этому такого значения.

Гуань Янь кивнул:

— Очень особое.

Этот фильм должен был стать его ключом к сердцу Сяо Цюя.

Ответственный, конечно, не знал, о чем думал его босс, но он понимал одно: промоушен должен быть выполнен на высшем уровне.

После скандала фильм Гуань Яня вошел в финальную стадию промоушена.

Премьера была назначена на канун Нового года, и Тан Цюй, глядя на календарь, заметил, что это был выходной.

Он подумал, что сможет посмотреть фильм вместе с Гуань Янем, но не был уверен, будет ли тот присутствовать на премьере.

Но Тан Цюй чувствовал, что что-то забыл.

Только в пятницу вечером, когда Тан Юй снова позвонил, Тан Цюй вспомнил, что тот просил его приехать домой на выходные.

Премьера была в воскресенье вечером, так что в субботу он мог спокойно поехать домой.

Но он понимал, что эта поездка вряд ли будет приятной.

В субботу днем Ду Янь отвезла Тан Цюя в дом Тан, но в душе она все еще беспокоилась.

— Сяо Цюй, может, я пойду с тобой?

— Не нужно, заberi меня позже.

Тан Цюй понимал ее беспокойство, но его семейные дела не должны были касаться молодой девушки.

Ду Янь не настаивала, но попросила его позвонить, если что-то случится.

Семья Тан не была древним и знатным родом.

Они просто разбогатели в свое время и с тех пор вели средний бизнес.

Их дом был двухэтажной квартирой.

Тан Цюй подошел к двери и постучал.

У него не было ключей от дома Тан.

Как это иронично — ребенок, возвращающийся в свой дом, должен стучать в дверь.

— Кто там? — раздался холодный голос домоправителя.

— Тан Цюй.

Через три минуты домоправитель медленно подошел и открыл дверь.

— Старший молодой хозяин, зачем ты вернулся? — В голосе домоправителя звучало явное презрение.

Тан Цюй проигнорировал его, обошел и вошел внутрь. Ему не нужно было отчитываться перед слугой.

В глазах домоправителя мелькнула ненависть.

В гостиной сидели двое — приемные родители Тан Цюя, Тан Хань и Чэнь Жу.

Тан Хань всегда был мрачным дома, словно ему все что-то должны. Чэнь Жу была

симпатичной, но Тан Цюй всегда чувствовал в ней что-то вульгарное.

— Отец, мать.

Приветствие Тан Цюя не получило ответа, вместо этого он услышал саркастический комментарий.

— Звезда вернулась? Я думал, некоторые уже забыли, откуда они родом. — Пронзительный голос Чэнь Жу заставил Тан Цюя поморщиться.

Разве это он не возвращался?

Родители, которые полгода не звонили и не интересовались жизнью ребенка, разве это правильно?

— Мама, я был занят. — Но Тан Цюй все же объяснил, ведь они были старше.

— Занят? Чем ты занят? Ты опозорил нас перед всеми, на колени! — Грубый голос Тан Ханя был полон гнева.

Тан Цюй нахмурился:

— Отец, я не понимаю, чем я опозорил вас?

Увидев, что Тан Цюй не так покорен, как раньше, Тан Хань разозлился еще больше.

Он встал и подошел к Тан Цюю.

— Хлоп!

Звонкий звук пощечины разнесся по тихой гостиной.

На левой щеке Тан Цюя сразу появился яркий отпечаток пяти пальцев, что свидетельствовало о силе удара.

— Отец, я не понимаю. — Взгляд Тан Цюя стал холоднее.

— Ты публично унизил своего брата на банкете. Разве это не позор? Куда делись все те уроки морали, которые мы тебе преподавали?

Тан Хань снова поднял руку.

Но на этот раз он не смог ударить.

Его рука замерла в воздухе, а правая рука Тан Цюя схватила его за запястье.

Боль заставила Тан Ханя исказить лицо, а затем он закричал еще громче:

— Негодяй!

Чэнь Жу, увидев это, поспешила вмешаться:

— Тан Цюй, что ты делаешь? Он твой отец! Это недопустимо, отпусти его!

Тан Цюй посмотрел на Чэнь Жу и отпустил руку:

— Пусть будет так, ради матери.

Гнев Тан Ханя был очевиден:

— Я кормил и одевал тебя, и это твоя благодарность?

— Отец, вы вырастили меня, и я уважаю вас. Но если вы бьете меня без причины, я не буду терпеть.

— Я твой отец, я имею право бить тебя, когда захочу.

Тан Цюй усмехнулся. Родители, которые оправдывают свои издевательства воспитанием, были ему непонятны.

Он сделал шаг назад и достал из кармана банковскую карту:

— На этой карте 1 000 000 юаней. Это моя благодарность за ваше воспитание.

1 000 000 юаней — немалая сумма. Даже для Тан Ханя и Чэнь Жу было бы сложно сразу выложить такую сумму, но Тан Цюй сделал это без колебаний. Неужели это был тот же робкий приемный сын?

На самом деле, Тан Цюй был традиционным человеком и всегда уважал родителей. Но Тан Хань и Чэнь Жу не вызывали в нем никакого уважения.

Они забрали его из приюта, но совершенно не заботились о нем, позволяя своему родному ребенку издеваться над приемным. И это были не детские шалости.

Если бы не сила духа Тан Цюя, он бы не выдержал еще в старшей школе.

Он не хотел поступать так жестоко, но Тан Хань и Чэнь Жу были бессердечны, что вызывало только разочарование.

Чэнь Жу, увидев карту, загорелась жадностью, а затем с удивлением сказала:

— Сяо Цюй, откуда у тебя 1 000 000? Неужели...

Тан Цюй нахмурился:

— Я заработал их сам.

Восемнадцатилетний парень, внезапно получивший 1 000 000, — как он мог их заработать? У Тан Ханя сразу появились подозрения.

— Ты, бесстыдный негодяй! Ты занимался этим?! Убирайся из моего дома! У нас нет такого сына!!! — Лицо Тан Ханя покраснело от ярости. Тан Цюй занимался таким грязным делом!

Тан Цюй мысленно закатил глаза. Какие родители сразу подумают о таком мерзком способе заработка?

— Папа, мама, что происходит? — вдруг раздался голос Тан Юя.

Увидев его, Тан Хань и Чэнь Жу сразу изменились в лице.

— Юй, ты вернулся? Устал? Я велю домоправителю подать обед.

Тан Юй улыбнулся:

— Мама, ты слишком беспокоишься. Я не устал. — Он украдкой посмотрел на Тан Цюя и, увидев след от пощечины, улыбнулся. Как бы Тан Цюй ни был успешен на улице, дома он всегда оставался грязью под его ногами.

— Брат, ты вернулся?

Тан Цюй еще не успел ответить, как Тан Хань закричал:

— Какой он тебе брат? У меня нет такого позорного сына!

Тан Юй сделал вид, что испугался, широко раскрыв глаза:

— Папа?

Тан Хань сразу смягчился:

— Юй, я не о тебе. Я о Тан Цюе. Иди пообедай, не голодай.

Тан Юй, конечно, не хотел уходить. Он хотел увидеть, как Тан Цюй будет унижен.

Эта идиллическая семейная сцена не вызывала у Тан Цюя никакого интереса.

<http://bllate.org/book/16733/1561057>